

(1113) 0404
(сир)

ОТКРЫТАЯ КНИГА

Павел ЗАЛЬЦМАН

ORDINAMENTI

Комедия

Продолжение. Начало см. "ЭС" № 12

Председатель (вздыхнув). Ладно, как-нибудь познакомимся и с этим. Захватите эти, как они называются, — партитуры.

Художник. Ну, этого у меня нет, я записывать не умею.

Председатель. Тэк-с!

Художник. Ну, и эта комнатуха у хозяев... Полы дырявые — снег виден. Печка коптит. Холсты черные. А площадь десять метров. Вот у Мейсонье было ателье — по десять лошадей ставил и писал. Честное слово!

Председатель. Так что, вам тоже нужны лошади?

Художник (просияв). О да! Лошади — это прекрасно! Я до сих пор вижу во сне...

Председатель. В самом деле?

Художник. Да, прихожу, знаете, уже совсем поздно в какой-то дом, такой, на отшибе, в чужом месте. Уже ночь. Спать пора. Вроде в экспедиции. И вдруг слышу, что здесь кони стоят в конюшне. Говорю: "Чьи же это?" — "Да так, — отвечает кто-то, — теперь наши." — "И можно вывести?" — "Да почему же нет?" Даже не верится. И вот вывожу. А он уже оседлан, взнуздан. И знаете, так живо вижу: ставлю ногу в стремя и вот уже плыву. Дорога пустая, и копыта стучат. Обогнул дом и пускаю рысью. Какие-то овраги, кусты... Все идет вверх.

Председатель. И куда же вы?

Художник. О, подальше! И вдруг я вижу, что рядом идет еще один неоседланный конь...

Председатель. Ну, а потом, когда возвращаетесь?

Художник. А я не возвращаюсь.

Председатель. Мы отвлеклись. Значит, я так понял, что для работы вам нужны лошади? Дадим лошадей.

Художник. Лошади? Для работы? Это зачем? Нет, я ведь портретист. Мне нужны девушки.

Председатель. Почему же именно девушки?

Художник. Не знаю. Они красивые. Все-таки несколько акварелей у меня есть.

Председатель. А разве акварель — живопись?

Художник. Моя акварель — живопись!

Председатель (поморщившись). Но я же говорил, что нам требуется что-нибудь фундаментальное, масштабное.

Художник. А я объяснял, что это невозможно. Техника утеряна и восстановить...

Председатель (раздраженно). Ну, хватит, сказано — три под страхом...

Художник. Под страхом, говорите? Ладно, в конце концов достаточно просто сидеть и работать и что-нибудь, очевидно, получится. Но предупреждаю, нужно место, время и натура. Вы не представляете, как трудно с натурой.

Председатель (сердито). Следующий. (Глядя на поэта). Надеюсь, теперь не будет лишних разговоров?

Поэт. Да что говорить — я уже все сказал. Я ни за что не ручаюсь. Поэзия требует особых условий.

Председатель. Мы создадим вам все условия.

Поэт (испуганно). Нет, нет! Я не хочу! У меня условий слишком хватало.

Председатель. Очевидно, прежде всего нужны деньги?

Поэт. Ага, а потом смертная казнь неизвестно через что! Нет уж! Мне еще жизнь не надоела.

Председатель. Совершенно не понимаю.

Поэт. Слыхали про такого — Сервантеса? Знаете, в каких условиях он работал? Мавры, цепи, тюрьма.

Председатель. А! Вот оно что?

Поэт. Да вот, как меня долбанет покрепче — тут и стихи. Вот такое безобразие. Был у меня такой камуфлет... то есть, с одной стороны, конечно, приятно... Это я относительно Тани. У нее были широкие белые бедра, я ее про себя называл Андромедой. И большие соски, чуть не на всю грудку. А грудки маленькие.

Председатель. К чему эти детали?

Поэт. Но дело в том, что все это было... Гм...

Председатель. Может быть, все это должно остаться в тайне?

Поэт. Пожалуй. Мы любили сидеть в одном кресле. В их квартире было такое огромное кресло. И я ее раздевал... Потом...

Председатель. Я ведь вас не спрашиваю об этих личных переживаниях.

Поэт. Я помню, мы шли по Марсову Полю, был снег.

Председатель. Но такая прогулка, очевидно, приятна?

Поэт. Я высуну язык на крюк — Это ли еще не трюк?! И сам себя поволоку, Дергая за проволоку...

Даже вспомнить тошно. В общем, был прямо взрыв стихов... гм... большое смещение. Потом... потом в определенном смысле была полная безмятежность. И что же? Ни черта! Ни одной строчки. Затем начались бомбежки. Зима, все закоптело и лед. Голод, еще снаряды. Но это уже так... И что же — вот тогда опять начались стихи. И затем на юге, когда я мешки таскал.

Председатель. Какие мешки?

Поэт. Ну, что удавалось выменять. Я нес мешок картошки На радостной спине... И меня обгоняли машины.

Председатель. Тоже стихи?

Поэт. Целая куча. И вот ко всему этому я познакомился с одной, что ли, дамой.

Председатель. Ага! Опять!

Поэт. Тогда я здорово голодал, но, с другой стороны, все это лезло в голову. Однажды я пробегал с час по темным помещениям — в фанерных стенах декораций — искал топор, чтоб отрубить себе пальцы (делает жест в сторону художника) — на левой, на правой. К счастью, плотники ушли и инструмент забрали. Зачем мне это понадобилось — не помню. И вот тогда были опять стихи.

Председатель. Так что же вы всем этим хотите сказать? Мы представляли, что создадим условия для, так сказать, творческой деятельности... Удобрства, ванны, виллы. Я даже помню, один, кажется поэт, спрашивал у другого, тоже, видимо, поэта:

Да есть ли свой у вас портной?

Значит и портного. Вам нужен портной?

Поэт. Конечно, с удовольствием!

Я на себя накину фрак И полечу...

Председатель. И тогда стихи?

Поэт. А на хрен тогда стихи!!

Председатель (взрывается). Хорошо же! К чертовой вас бабушке! К маврам, на цепь, в монастырь! Постричь! Побрить!

Поэт (насмешливо). А вы что, архангел?

Председатель (опеив и с неприятным выражением оглядывая его). Почему опять архангел?

Поэт. А это только они... Они этим и занимаются. Но теперь баста. Ничего не буду, принципиально! Пошли они в сметник... с крыльями!

Председатель. Так вы, стало быть, счита-

ете...

Поэт. Зачем считать! Всего не пересчитаешь. Факты — упрямая вещь. Поэтому я прошу — девок! И без всяких этих знакомств, с внедрениями. А как бывает — с затылка. Вот увидел и ткнул пальцем. А там — что будет! Понимаете, очень изумительно, когда совершенно чужое берешь и оно делается совершенно твоим.

Философ. Ты смотри-ка, откровенный какой!

Поэт (поглядев на него, мрачно). Терпеть чужое позорно.

Председатель (вздыхнув). Все терпят.

Поэт. А иначе ничего не буду.

Председатель. А если под страхом...

Поэт (обозлившись). А пошло оно с этим страхом туда же в нужник с крыльями. Видали и перевидали. Страх будет, а стихов не будет. При всем желании. Этот фактор чересчур переиспользован и, кроме тряски и тошноты, ничего не даст.

Председатель (несколько пораженный, задумчиво). Хорошо, дадим девок.

Поэт. Позвольте еще кое-что, а то одни девки могут не сработать.

Председатель. Ну?

Поэт. Я бы хотел живого архангела при себе.

Председатель. В каком смысле?

Поэт. Вот так — при мне — для разговоров и — чтоб смотрел.. А то, знаете, пока они кувыркались — я все смотрел... Я пожалуй, тут и стану стихи выдавать. Дразниться.

Председатель. Что можем — дадим. А архангелов у нас нет.

Поэт (помянув и оглядываясь). То-то, что нет. Или это тоже они проворят?...

Все задумываются. Воцаряется общее минутное молчание. Потом слышен телефонный звонок.

Председатель (поднимает трубку). Что? Я ведь просил не отрывать. Кого? (Слушает, подняв брови). Вызывает ненадолго? (Прикрывает ладонью трубку, поэту).

Это что еще за шутики? Вас вызывает какой-то архангел. Зачем?

Поэт (пожимая плечами). Почем я знаю, видно, дело есть.

Председатель (растерянно). Так что? Надо идти?

Поэт. Удивительно циничная откровенность. Я сейчас.

Выходит. Приемная. Поэт с размаху открывает дверь и хлопает ею по Архангелу, который стоял под самой дверью. Слышен илепающий звук, так как дверь обита дерматином, а Архангел мягкий.

Архангел (отскакивает, он слегка сплюсцен. Сердито). Какого черта! Осторожнее!

Поэт. Вы меня вызывали?

Архангел (еще продолжает сердиться, сухо). Да. Осторожнее нужно!

Поэт. Зачем? Я занят.

Архангел (перестает сердиться, насмешливо). Неужто?

Поэт. Чего вам нужно?

Архангел. А того, что нас заинтересовал ваш уважаемый лепет, и я явился.

Поэт. Это я вижу.

Архангел (смеясь). Он видит! Клянусь Богом! А что вы, собственно, видите?

Поэт. Вас и вижу.

Архангел. Вот об этом и речь. Вы минутно трепитесь, что нас — то есть меня или еще кого другого — видите. А что вы можете видеть?

Поэт (указывая на него). Да вот это.

Архангел. Гм. Так-таки и видите?

Поэт. Теперь-то вполне вижу и всегда подозревал...

Архангел (принимая серьезный вид, с достоинством). Так вот — ничего этого нет. Я и явился для того, чтобы сказать: бросьте самообольщение и трепотню. Нет!

Поэт. А что, интересно, есть?

Архангел (сдержанно улыбаясь). А ничего, душевка, и нет. Понимаете, ни — че — го! Пыль, космос, волновые пакеты. Вы же сами в книжках, что берете у зятя, читали.

Поэт. О, боже! А все эти шутики-дрюки, все эти хитросплетения страстей, эти чувства, страдания, наконец, творчество, для чего они?

Архангел (все также насмешливо). Во-первых, что за слова я слышу из ваших уст?

Поэт. Ах, pardon, я очень взволнован. Тут не выбирают слов.

Архангел. А во-вторых, все это, то, что вы так оригинально определили, я бы сказал, действительно ни для чего.

Поэт (лицо у него испуганное и грустное). Да... Таким образом... Ну что ж...

Он опускается в кресло против стола секретарши, Архангел тихо садится в другое кресло. Секретарша сидит за своим столом.

Поэт (бормочет про себя). О боже, боже! Взгляд его падает на стол, вернее, под стол. Видна нижняя часть секретарши, на ней розовое платье мини. Поэт внимательно приглядывается. Секретарша, видимо, изумлена этой сценой, она замерла в случайной позе, широко расставив ноги. До этого она, как иногда бывает, сбросила туфли, чтобы дать отдохнуть ногам. Ноги у нее босые и голые. Кроме того, при ее позе делается ясно, что если даже на ней есть трусы, то это самые легкие летние трусы, которых, собственно, могло бы и не быть, так как абсолютно ничего они не прикрывают. Поэт, сидя в своем низком кресле, не может оторвать взгляда от ее ног, продолжая механически повторять: "О боже, боже!"

Внезапно настроение его меняется. Он в ярости поворачивается к креслу, где сидел Архангел, но там никого нет. Поэт вскакивает, по его спине проходит та странная дрожь, которая сопутствует непереносимым и значительным ощущениям. Бормоча что-то, поэт бросается к двери.

Кабинет председателя. Поэт быстро входит.

Поэт. Я немного передумал. Вернее, хотел бы уточнить. Мне кажется, не нужно большого количества этих... девок. Мне нужна одна — ваша секретарша.

Председатель. Но так внезапно...

Поэт. Я только что познакомился с ней. Это категорически.

Председатель. И это вам поможет? Ну что ж...

Поэт. Может быть, здесь какой-то замысел, хитрость — но все равно...

Философ. Правильно, дают девку — бери и помалкивай.

Поэт бросается к двери и исчезает.

Председатель (снимает телефонную трубку). Да, это я. Тут один из приглашенных — поэт — нуждается в вас для работы... Что? Вы слушаете? Он возьмет вас... Что такое? (Трясет трубку). Что-то с телефоном. А? Какой-то шум. Черт, что происходит? Вы слушаете? Я говорю, он возьмет вас, чтобы...

Из трубки довольно явственно слышится голос секретарши: Он уже взял.

Председатель (после минутной паузы). Вечная спешка.

Входит поэт, у него рассеянный вид и неторопливая, какая-то умяженная походка. Он садится в кресло, комфортно вытягивает ноги и засыпает.

Председатель (обращаясь к писателю). Что скажете вы?

Писатель. Он заснул.

Председатель. Ну и ладно.

Писатель. И теперь он видит сон.

Председатель. А вы откуда знаете? Ах да... И что же он видит?

Писатель. А вы не видите?

Зальцман Павел